

Когда первые лучи солнечного света проникли в узкое окно военной комнаты Тита, он медленно моргнул и открыл глаза, неуверенно пробуждаясь к новому дню. Вытянув руки над головой, он тихо зевнул, прежде чем свесить ноги с края кровати и сесть. Комната была маленькая и скудно обставленная, в ней было только самое необходимое — кровать, письменный стол и небольшой шкаф. Но это был дом Тита, убежище, где он мог избежать хаоса внешнего мира, хотя бы на несколько драгоценных часов каждую ночь. Вдохнув, Титус поднялся с кровати и приступил к своим утренним делам. Он умылся в тазике с холодной водой, смыв с себя остатки сна и усталости. Он быстро оделся, натягивая форму с отработанной эффективностью, каждое движение было точным и обдуманым. Когда он застегнул куртку, мысли Титуса вернулись к жизни за пределами военной комнаты: постоянное давление, бесконечное наблюдение, бесконечные сражения. Он почувствовал прилив обиды на своих однополчан, всегда осуждающих его, всегда ищущих повод его унижить. Но Титус отбросил эти мысли, заставив себя сосредоточиться на текущей задаче. Сегодня был новый день, еще один шанс проявить себя, показать миру, на что он способен. С решительным выражением лица он расправил плечи и вышел из своей комнаты, готовый встретить любые испытания, которые ждали его впереди. Когда Титус спустился в столовую, его встретили знакомые виды и звуки военной базы — стук ботинок по полированному полу, гул голосов, эхом отражающийся от стен. Но его настроение испортилось, когда он заметил Донни, высокопоставленного служащего военной полиции, известного своим пренебрежением к Разведкорпусу. Донни стоял у входа в столовую, его надменная поза и самодовольное выражение лица смотрели на слоняющихся солдат. Его взгляд остановился на Титусе, и ухмылка скривила его губы, когда он направился к нему. — Ну-ну, если это не герой Разведкорпуса, — поддразнил Донни, его голос был полон сарказма. — Сколько потерь ты понес на этот раз, Титус? Или вам удалось хоть раз сдержать свою некомпетентность? Титус ошетинился от оскорбления, сжав кулаки по бокам. Он расправил плечи, встретив взгляд Донни стальным взглядом. — У тебя много смелости, Донни, — ответил он низким и опасным голосом. — Но я больше не позволю тебе унижать меня и моих товарищей. Без предупреждения Титус рванулся вперед, его рука потянулась и схватила Донни за воротник его униформы. Двое мужчин сцепились друг с другом, их движения были вызваны гневом и разочарованием. Летели кулаки, обменивались проклятиями, и на мгновение показалось, что столовая погрузится в хаос. Но прежде чем ситуация могла обостриться дальше, отряд солдат рванул вперед, разрывая Титуса и Донни на части и оттаскивая их друг от друга. В столовой воцарилась тишина, напряжение повисло в воздухе, когда Титус и Донни смерили друг друга кинжалами с другого конца комнаты. Когда суматоха утихла, Титус глубоко вздохнул, его сердце все еще колотилось от адреналина. Он знал, что его столкновение с Донни еще далеко не закончено, но в этот момент он почувствовал чувство удовлетворения, зная, что постоял за себя и своих товарищей. Отстранившись от сдерживавших его солдат, Титус стиснул зубы от разочарования, его руки дрожали от сдерживаемой ярости. Не обращая внимания на обеспокоенные взгляды своих товарищей, он ускорил шаг, пробираясь через переполненную столовую, пока не достиг своего укрытия — уборной. Захлопнув за собой дверь, Титус прислонился спиной к стене, его грудь вздымалась от напряжения. Он чувствовал, как внутри него кипит гнев, угрожая поглотить его изнутри. Его руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони, пока он пытался восстановить контроль. Но когда он начал яростно чесаться, что являлось физическим проявлением его внутреннего смятения, Титус почувствовал, как его охватила волна холодного озноба, вызывая дрожь по спине. Он мог слышать звук своего прерывистого дыхания, эхом отражающийся от стен чулана, яркое напоминание о его изоляции. — Будь они прокляты, — пробормотал Титус про себя, в его голосе слышалась горечь. — Будь они прокляты за такое обращение со мной. Как будто я никто. Как будто я не имею значения. Но как раз в тот момент, когда тьма угрожала поглотить его, Титус заставил себя сделать глубокий вдох, чтобы успокоить бушующую внутри него бурю. Закрыв глаза, он сосредоточился на теплом свете, льющемся сквозь щель в двери чулана, маяке надежды во

тьме. – Я не позволю им сломить меня, – прошептал Титус, его голос был полон решимости. – Я не позволю им превратить меня в плохого мальчика. Я поднимусь над всем этим и докажу им, что я сильнее, чем они думают. С этими словами Титус открыл глаза, его решимость укрепилась. Он расправил плечи, отбросив в сторону сомнения и страхи, которые угрожали сдержать его. Выйдя из туалета, он еще раз посмотрел на мир. Выйдя из чулана, Тит оказался лицом к лицу со своими мучителями, их насмешливый смех звенел в его ушах жестокой симфонией. Его кулаки сжались по бокам, костяшки пальцев побелели от гнева, но прежде чем он успел среагировать, они грубо схватили его и вытащили наружу. – Похоже, маленькому Титусу нужно было поплакать мамочке в чулане, – усмехнулся один из них, и в его голосе текло презрение. – Какое жалкое оправдание для солдата. Титус стиснул зубы, стиснул челюсти, пытаясь совладать с кипящей внутри него яростью. Он почувствовал, как внутри него поднимается первобытное желание, жажда мести, которая грозила поглотить его целиком. Но он знал, что поддавшись этим темным импульсам, он приведет только к еще большей боли и страданиям. Когда они достигли заброшенного военного аванпоста на краю пещеры, сделанной из кожи и костей Титана, в голове Тита проносились мысли о массовом убийстве, о мести тем, кто обидел его. Но пока он размышлял над этими мыслями, голос в глубине его сознания прошептал предупреждение — напоминание о тьме, которая скрывалась внутри него и ждала своего освобождения. Глядя на завораживающие голубые оттенки кожи и костей Титана, Титус почувствовал, как его охватило чувство спокойствия, мимолетный момент ясности среди хаоса. Он глубоко вздохнул, сосредоточившись и отбросив мысли о насилии и ненависти, которые угрожали захлестнуть его. – Нет, – подумал про себя Тит твердым и решительным голосом. – Я не позволю им опустить меня до своего уровня. Я не стану тем, кем они хотят, чтобы я был. С этими словами Титус расправил плечи и посмотрел на своих мучителей, его глаза сверкали решимостью. Возможно, он был окружен тьмой, но он не позволил ей поглотить себя. Он найдет свой собственный путь, свой выход из тени, чего бы ему это ни стоило.